

А душу можно-ль рассказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ;
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой;
Онъ оправдалъ меня—одинъ,
Онъ сердца полный властелинъ.
И тайну страшную мою
Я неизмѣнно сохранию,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнь
Среди угрюмыхъ этихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства ясные года
Я проводилъ Богъ вѣсть куда!

Какъ сонъ, безъ радости и бѣды,
Промчались тѣни лучинихъ лѣтъ,
И воскреситъ тѣ дни едва-ль
Желалъ бы я, но все ихъ жалъ!
Зачѣмъ, молчаніе храни,
Такъ грозно смотришь на меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ!
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклиная... но, старикъ,
Я признаюсь, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобою
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово нѣтъ!
И прахъ лишенный бытія,
Ужъ, будетъ прахъ одинъ—не я.

«И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставивъ свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдивъ
Межъ этихъ кудрей не видна,
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудилъ мольбой, постомъ!
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой,
И громъ гремитъ по небесамъ,
Вели не трогаться волнамъ,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!...
Да, если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой власной
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, безчувственный старикъ,

Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленіи, можетъ быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить,
Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ-бы счастливъ перенести
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!

«Я о спасеніи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь;
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первой грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ!
И если-бъ рай передо мной
Открыть былъ властью неземной,
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ-бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!
Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонныя слова,
Багастый храмъ безъ божества.
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта!
Одинъ лишь слабый звукъ отдай
О! старецъ, что такое рай?»

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ давно
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней,
Забить, какъ узникъ, одиноко
Растетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не расцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моею судьбой?
Знай, можетъ быть, ей ужъ нѣтъ
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ—и все ничто!
... Прощай, старикъ; вотъ разни часъ!
За нихъ молись... въ послѣдній разъ,
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ
Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрозы и тревогъ,
Что съ тайной гибельной моею
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я, ... что любилъ